

Жирова 2001 — Жирова Е. И. Словник и частотный словарь сибирских былин // Фольклорная лексикография. Курск, 2001. Вып. 17. С. 14—60.

Карпова 1989 — Карпова О. М. Словари языка писателей. М., 1989.

Морковкин 1990 — Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. М., 1990.

Никитина 1999 — Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1999.

Оссовецкий 1952 — Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93—112.

Праведников 2002 — Праведников С. П. Былины Печоры: словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Праведников 2002a — Праведников С. П. Архангельские былины, собранные А. Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Роббек 2009 — Роббек Л. В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009.

Русские простонародные легенды 2005 — Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861 г. / изд. подгот. В. С. Кузнецова, О. Н. Лагута, А. М. Лаврентьев. Новосибирск, 2005.

Ручина 2006 — Ручина Л. И. Об отборе ключевых слов для описания концептосферы русской народной сказки // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б. Н. Головина. Н. Новгород, 2006. С. 318—320.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—2009. Вып. 1—41.

Степанова 2003 — Степанова И. А. Исторические песни XVII—XIX веков: Словник и частотный словарь. Курск, 2003.

Summary: *The article presents the research experience of linguists from Kursk who are currently working on the lexicographic description of the Russian folklore language. The emphasis is laid on the necessity of creation of a system and series of dictionaries. The given examples illustrate the research potential and opportunities which different kinds of dictionaries provide the researchers with.*

Key words: *lexicography, dictionary, folklore language.*

А. Т. ХРОЛЕНКО
(Курск)

ЛЕКСИКОН СИБИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НА ФОНЕ СЕВЕРНО- И ЮЖНОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. *Используя созданные курскими лингвофольклористами конкордансы к народным песням разных регионов, автор показывает своеобразие лексикона сибирских народных песен на фоне народно-песенных лексиконов Курской, Архангельской и Олонецкой губерний.*

Ключевые слова: *конкорданс, лексикон, лингвофольклористика, фольклорное слово, язык фольклора.*

Альтернативой глобализации является идея регионализации, ставшая стимулом развития особого рода знания — регионоведения, в рамках которого может быть выделена филологическая регионалистика, разрабатываемая, в частности, курскими филологами (исследовательская программа «Курское слово»).

Региональное своеобразие художественного и фольклорного слова обнаруживается в сопоставлении текстов как сопредельных регионов, так и регионов, отделенных друг от друга, например, южнорусского, севернорусского и сибирского.

В структуре филологической регионалистики важное место принадлежит лингвофольклористике. Несмотря на известную общность сюжетики, поэтики и репертуара фольклорных произведений, язык русского фольклора в территориальном отношении, по нашим наблюдениям, отчетливо дифференцирован. Результаты дифференциации устойчивы, и языковые особенности могут служить надежным маркером места становления и путей развития элементов народно-песенного текста.

Современная лингвофольклористика обнаруживает большие исследовательские возможности. Этому способствует и идея корпусности, когда

Таблица 1

	Текстов	Словоупотреблений	Лексем	Коэффициент повторяемости лексем
Курск	190	16678	3188	5,3
Архангельск	183	17829	3356	5,2
Олонец	114	12975	2847	4,6
Сибирь	112	11531	2549	4,5

исследования ведутся на уровне значительных по объему корпусов текстов, — лингвофольклористический аналог корпусной лингвистики. В исследовании фольклорного слова активно используются современные информационные технологии [Хроленко, Денисов 2007]. Все отчетливее становятся контуры нового направления филологической науки — компьютерной лингвофольклористики.

В современной лингвофольклористике наблюдается активная лексикографизация методов, методик и приемов. В исследовательский инструментарий лингвофольклористов входит такой лексикографический продукт, как конкорданс — алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления. Так, скажем, конкорданс к курским народным песням составлен на основе всех 190 лирических необрядовых лирических песен, записанных в Курской губернии в XIX в. и включенных в семитомный свод «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского (тт. 2—6) [Соболевский 1895—1902]. В конкордансе описано 3195 лексем. Это значит, что человек, взявший в руки конкорданс, узнает, сколько описано текстов, сколько в них слов, сколько раз и в каких контекстах употреблено то или иное слово.

Эвристические возможности возрастают, если создан не один конкорданс, а целая система конкордансов, представляющих разные регионы бытования фольклора. Сопоставление словников дает убедительный ответ на вопрос об общенациональном ядре народно-песенных лексем и о лексике локальной и региональной.

На сегодняшний день наша система состоит из четырех конкордансов, представляющих четыре территории — курскую, архангельскую, олонекскую и

сибирскую. Создавалась она на основе упомянутого свода А. И. Соболевского. Выбор свода обусловлен двумя обстоятельствами: широкая география текстов (вся Россия) и единство времени (XIX век). Из семи томов расписаны пять (2—6 тт.), в которых содержатся необрядовые лирические песни.

Наш выбор регионов предопределен стратегическими задачами современной лингвофольклористики. Сопоставление курского и архангельского конкордансов позволит выявить языковые различия в южнорусской и севернорусской песенной традиции. Сравнение архангельского и олонекского конкордансов даст информацию о локальном своеобразии двух сопредельных регионов. Олонекский конкорданс к лирическим песням в будущем может быть сопоставлен с запланированным конкордансом к былинным текстам Т. Г. Рябининой, записанным на олонекской земле, и это даст возможность увидеть жанровое своеобразие языка народной лирики и эпики, бытовавших на одной территории в одно и то же время.

Статистика нашей системы конкордансов представлена в следующей таблице (см. табл. 1).

Анализируя соотношение лексем и их словоупотреблений, можно определить усредненный коэффициент повторяемости, который зависит от объема корпуса¹.

Наличие нескольких конкордансов позволяет с помощью специально разработанной компьютерной программы COMPARE выделить ядерную часть общепесенного лексикона, т. е. совокупность лексем, используемых в песенных текстах всех сравниваемых нами регионов. В нашем случае это семьсот слов.

¹ Коэффициент прямо пропорционален объему корпуса: чем больше корпус, тем выше средняя повторяемость.

В качестве примера приведем фрагмент этого списка на буквы В и Г:

в 214/337/216/153
валяться 1/2/1/1
вдова 9/3/2/4
вдовушка 4/7/2/7
вдоль 6/10/19/7
везти 5/1/8/4
век 7/7/1/8
велеть 27/21/12/9
великий 8/12/8/8
верный 4/2/2/5
веселый 12/13/14/13
вести 7/5/3/4
весь 35/19/32/20
ветер 8/10/3/7
вечер 5/12/9/6
вечером 2/3/3/1
вечор 12/11/8/2
взойти 7/4/5/6
взять 16/45/40/26
видать 4/9/6/5
видеть 5/8/7/5
вина 1/6/2/3
вино 7/13/10/11
виноград 1/4/4/3
во 131/232/142/116
вода 26/28/29/16
водить 3/3/3/1
водка 1/4/4/9
водочка 3/1/11/6
волна 2/1/1/1
вольный 5/9/1/1
волюшка 1/7/10/5
воля 15/22/3/5
вороной 26/1/6/1
ворота 30/16/14/10
воротиться 6/10/6/9
вострый 1/6/2/4
вот 20/9/9/5
время 5/6/6/4
времячко 2/2/2/1
все 31/122/54/43
вспомнить 3/9/1/1
вставать 6/2/4/15
встать 6/2/4/2
всякий 1/2/4/1
вы 43/63/23/68
выдать 1/2/4/1
выйти 21/25/5/11
высокий 28/9/18/13
высоко 4/5/3/4
вязать 1/3/4/4
где 8/17/13/16
глаз 6/21/12/16
глубокий 2/3/1/9

глупый 1/8/1/2
глядеть 11/18/11/3
говорить 31/49/36/22
год 4/4/6/5
годочек 4/2/3/2
голова 30/19/21/24
головка 5/6/2/2
головушка 32/20/9/15
голос 10/3/1/5
голосочек 1/8/1/4
голубушка 5/12/8/16
голубчик 3/7/2/5
голубь 3/12/8/4
гора 16/19/6/21
горе 14/22/11/17
горевать 3/3/3/1
горенка 10/9/12/6
гореть 3/10/5/7
горница 1/11/3/7
город 17/26/16/12
городок 1/2/1/1
горький 10/12/8/8
горючий 3/8/10/2
горячий 1/1/1/1
гость 14/33/13/15
государыня 15/1/2/1
гребешок 1/1/1/2
грозный 5/3/1/3
грудь 3/9/8/4
грусть-тоска 2/3/1/1
грязь 1/1/1/2
гульба 3/3/4/5
гулять 42/77/38/33

Четыре цифры около каждой лексемы указывают количество словоупотреблений ее в каждом конкордансе (порядок цифр соответствует последовательности конкордансов в таблице 1). Обратим внимание на случаи количественной асимметрии, которая особенно заметна в примерах: вороной 26/1/6/1; государыня 15/1/2/1; конь 44/14/12/37 и др. Именно такие случаи дают повод для размышлений о своеобразии региональных «профилей» народно-песенных картин мира.

Разумеется, в случае появления словников к песенным текстам других регионов список и общепесенных лексем, список ядерных (доминантных) слов будет уточняться.

Несомненный исследовательский интерес представляют слова, находящиеся за пределами ядерной части общепесенного лексикона. Их удельный

вес в песенных текстах различен. Одни слова фиксируются исключительно в одном региональном списке, другие — в двух, третьи — в трех и т. д. Добавим, что общефольклорный список свидетельствует об уровне единства русской народно-песенной лексики, а части словников, оставшиеся после выделения общефольклорной лексики, многое могут рассказать о количественном и качественном своеобразии региональных лексиконов.

Приняв к сведению количественные характеристики конкордансов, перейдем к их содержательному анализу на примере конкорданса к сибирским песням. Сибирский регион в филологическом отношении особенно интересен. История заселения и последующее развитие предопределили интеграционные и дифференцирующие тенденции в эволюции устного народного творчества и его языка на территории позднейшего заселения.

Приметной частью любого лексикона является ономастика — топонимы и антропонимы. В словнике общефольклорных лексем зафиксирован всего один топоним — *Дунай*. Эту единичность можно объяснить только тем, что лексема *Дунай* — это предельно обобщенный народно-песенный гидроним, не столько называющий конкретную реку, сколько обозначающий водоем вообще. О тождестве понятий «Дунай», «река» и «море» писал А. А. Потебня [Потебня 1887, 436]. Специально об этом см.: [Мачинский 1981; Хроленко 1992, 32—33].

В сибирском конкордансе найдем гидронимы *Ангара*, *Ишим*, *Томь*, *Чебайка*. Разливалась вода — Славна речка *Ангара* <5, 570>²; Потопила *Ангара* Все зеленые луга... <5, 570>; *Ишим* реченька, речка глубока... <5, 55>; Снаряжала дружка, провожала до зеленого дружка лужка, До зеленого дружка лужечка, до *Ишиму* до реки <5, 55>; Славный Томский городок, на прекрасе он стоит, На прекрасе на таком, он над *Томью* над рекой <4, 24>; Над *Томью* над рекой шла Машенька за водой... <4, 4>; Дуня

² Здесь и далее после примера в ломаных скобках указывается номер тома и номер песни из свода А. И. Соболевского [Соболевский 1895—1902].

плакала, рыдала, со слез речка протекла, Славна реченька *Чебайка*, не широка, глубока... <2, 286>; Дуня плакала-рыдала, со слез речка протекла, Славна реченька *Чебайка*, не широка, глубока... <5, 677>.

В сибирских песнях упоминаются города, названия которых предстают в форме словосочетаний типа *Иркутский город* (не *Иркутск*), *Смоленский город* (не *Смоленск*), *Томский городок* (не *Томск*): Снаряжали добра молодца Во *Иркутский* город... <6, 68>; Повезли добра молодца Во *Иркутский* город <6, 68>; *Иркутский* — город славный... <6, 528>; Славный *Томский* городок, на прекрасе он стоит, На прекрасе на таком, он над *Томью* над рекой <4, 24>; На Литовском на рубеже, Под *Смоленским* городом, Под *Смоленским* городом, На лугах-лугах зеленых, На лугах-лугах зеленых, Молодец коня имал... <6, 338>. С подобным в других регионах мы не встречались. Наряду с этим есть и привычные топонимы типа *Колывань*, *Новое Усолье*. Помимо *Смоленского* города, наличествует *Смоленец* город: От *Смоленца* города, Далече во чистом поле, Стоят полки царские... <6, 338>. Если Томск в сибирских песнях логичен, то упоминание Смоленска, города весьма далеко отстоящего от Сибири, наводит на мысль о следах миграционных потоков — местах исхода будущих сибиряков.

Сопоставление четырех конкордансов приводит к неожиданному наблюдению: антропонимы в народной лирике, несмотря на общность православного имени (ономастикона) для всей территории России, территориально дифференцированы, то есть актуализированы в разной степени вплоть до отсутствия какого-либо имени, обычно характерного для народно-песенных персонажей. Обнаруживается доминирование тех или иных мужских и женских имен в текстах каждого региона. Достаточно сравнить по конкордансам антропонимы на букву А.

В состав ядерной лексики вошло лишь одно имя — *Авдотья*. В общепесенном словнике мы найдем два имени — *Авдотья* и *Иванушка*. В сибирском народно-песенном корпусе отметим два мужских имени, отсутствующих в

остальных описанных корпусах. Это *Агафон* и *Афанас*: Ах, ну-тка, *Агафон*, да вали его на огонь! <6, 454>; Ох, ну-тка, *Афанас*, доведи его до нас! <6, 454>.

Языковой паспорт каждой территории — набор диалектных слов. Сибирь в этом отношении не исключение. При этом мы должны предположить, что словник диалектной лексики в случае Сибири непременно распадется на две части: слова, (1) пришедшие в Сибирь с переселенцами из разных регионов России и (2) возникшие в речи сибиряков. Первые как бы продолжают изоглоссы, начало которых — в Европейской части России. Вторые можно метафорически назвать речевыми «эндемиками» Сибири.

К «изоглоссным» относится значительная часть зафиксированных в Сибири лексем. Приведем примеры:

Безвременье ‘Фольк. Тяжелое время, пора несчастий, неудач; беда’ [СРНГ, 2, 184]. А стало доброму молодцу безвременье... На его-то *безвременьице* бывает... <6, 364>. В СРНГ приведен единственный пример из Олонца. Наш пример из Соболевского в словаре не отмечен.

Говоркой ‘Разговорчивый, словоохотливый’ [СРНГ, 6, 257]. У женатаго есть зубатая жена, Есть зубатая жена, злоречиста, *говорка* <4, 24>. — Самара, Новгород, Олонец, Карелия, Вологда, Архангельск, Томск.

Доповалу ‘Досыта, допьяна, до потери сознания’ [СРНГ, 8, 128]. До-пьяна зеленого вина не пить, *До-повалу* сладких медов, безпросыпных... <6, 33>; До-пьяна зеленое вино пьешь, *до-повалу*... <6, 33>. — Кострома.

Голубина ‘Голубь’ [СРНГ, 6, 337]. На той мостовине сидит *голубина*, Сидит *голубина*, резвы ножки моет <2, 649>; Не воркуй, не воркуй, сиза *голубина!* <2, 649>; На той мостовине сидит *голубина*, Сидит *голубина*, резвы ножки моет <2, 649>; Не воркуй, не воркуй, сиза *голубина!* <2, 649>. В СРНГ приведен пример с пометой «Южн.-Сиб.». Правда, и в курских песнях нами отмечен случай употребления деривата *голубина*.

Изгибнуть ‘Гибнуть, погибать’ [СРНГ, 12, 116]. *Изгибла* головушка Ни за одну денежку <6, 338>. — Урал, Новгород, Пермь, Свердловск.

Пеш ‘Пешком’ [СРНГ, 27, 12]. — С. Болдино Горьковской обл. Он ведь *пеш*, добрый молодец, Бегает *пеш* по чисту полю... <6, 338>; Он *пеш* да по чисту полю гуляет... <6, 364>; Уж как *пеш* ходит млад ясен сокол по чисту полю <6, 479>.

Поглянуться ‘Понравиться; приглянуться’ [СРНГ, 27, 295]. — География широкая, но больше записей в Сибири. *Поглянулася* мне походочка твоя, *Поглянулся* твой умильный взгляд, *Поглянулася* веселый твой поцелуй! <2, 455>; Не *поглянется* тебе добрый конь, — Ты продашь коня или променяшь... <3, 404>; Не *поглянется* тебе худа жена, — Ни продать-то ее, ни променять... <3, 404>.

Посверстнее от *сверстый* ‘Догадливый, сообразительный’ [СРНГ, 36, 242]. — Олонец, Архангельск. А я тебя, братец, *посверстнее*... <6, 364>.

Ротиться ‘Клясться, божиться’ [СРНГ, 35, 205]. Божился, добрый молодец, *ротился*, А всякими неправдами заклинался... <6, 33>; А старуха *ротится*: ни полущечки! <6, 454>. — Архангельск, Вологда, Сибирь.

Скудаться ‘Прихварывать, хворать, болеть’ [СРНГ, 38, 175]. Раздуша моя разнемогается, Животом-сердцем *скудается* <5, 706>. — Сибирь и Север.

Полытать ‘Побродить, погулять без дела’ [СРНГ, 29, 180]. Отпروشся у бабюшки погуляти, У родимой матюшки *полытати* <2, 273>. — Томск, Тула, Печора.

К «эндемикам» можно отнести следующие диалектные слова:

Баберековый ‘Сделанный из баберка (парчи особого рода)’ [СРНГ, 2, 18] (иллюстрации из Соболевского без указания места). Мы отметили это слово исключительно в сибирской песне: Он оставил, недужише, Кафтан хрущатой камки, Камзол *баберековый*... <6, 541>.

Вен ‘Венок’ [СРНГ, 4, 111] (примеры исключительно сибирские). Кому, мой *вен*, кому, мой *вен*, Кому, *вен*, достанешься? <2, 322>.

Камышовый ‘Камышовый’ [СРНГ, 13, 33]. *Камышовой* своей тросточкой в стенку колотился... <5, 212>. — Томск.

Повремянно ‘Вовремя, своевременно’ [СРНГ, 17, 264]. Ты ходи, моя душа-радость, ходи *повремянно* — По утру ра-

ным раненько, вечером позднечко... <5, 439>.

Позаочно 'В отсутствие кого-л., за глаза' [СРНГ, 28, 314]. Только Сибирь. Уж я сам-то *позаочно* вздохну... <5, 44>.

Для сибирских песенных текстов характерно развитие у отдельных слов новых значений.

Побоище 'Оружие [?]' [СРНГ, 27, 199]. А у чуда поганого Одно было *побоище*, Одно было *побоище* — Большая рогатина... <6, 338>. Даль фиксирует значение 'Следы сражения, боя: ушибы, синяки и т. п.' с пометой *Вост.* Третье значение 'Участвовать в сражении, в бою' зафиксировано в былинном тексте из сборника Гильфердинга. Словарь русского языка XI—XVII вв. существительное *побоище* не фиксирует. Отмечено прилагательное *побоищный* 'Относящийся к битве, сражению' [СлРЯ XI—XVII, 15, 130].

Полотенце 'Полотно, холст' [СРНГ, 29, 121]. На школьнике рубашка тонкаго *полотенца* <5, 533>.

В сибирских песенных текстах актуализируются те значения, которые существуют, но используются сравнительно редко: *Пени* 'Устар. Сетования, жалобы, упреки' [МАС, 3, 39]; 'Укор, упрек, выговор, нареканья; Вина' [СРНГ, 25, 348]. Я не знаю, млада, *пени* и вины... <2, 455>; Только знаю одну *пеню* и вину... <2, 455>; Я не знала ни *пены*, ни вины, Никакой прослуги за собой <2, 456>. В курских песнях этого слова нет. В архангельских песнях есть *пенять*, *попенять*, в олонечких — *пенять*, в сибирских — *выпенять*, *напенять*, *пеня*, *попенять*. В сибирских песнях наличествует и существительное *пеня* в синонимическом ряду *пеня*, *вина*, *прослуга* 'Проступок, вина' [СРНГ, 32, 233], и более развернутый ряд однокоренных глаголов. Дружку выговорю, в глаза *выпеняю*... <5, 377>; Видно, сам я побываю, во глаза тебе *напеняю* <5, 554>.

В сибирской фольклорной традиции наблюдается размывание границ между лирикой и эпосом, и это расширяет песенный лексикон. Скажем, лексема *мурманка* 'Шапка с ушами определенного фасона' на Русском Севере использовалась в былинах, однако в народной лирике Олонца ее не было.

В Сибири же она обнаруживается в песенном тексте: Вынимайте шапку, Черну *мурманку*... <4, 129>; Молодец вдове челом, — Уронил шапку, Черну *мурманку* <4, 129>; Ах ты, вдовушка моя, Молодая вдова, Подними шапку, Черну *мурманку*! <4, 129>.

К эпической лексике относятся и другие примеры устаревших слов. *Бердыш* 'Широкий топор, иногда с гвоздевым обухом и с копьём, на длинном ратовище; алебарда, протазан' [Даль, 1, 82]. Да и сделайте *бердыши* и рогатины... <6, 454>. *Вальяцетый* 'Массивный; крепкий, прочный; Изящный, искусно сделанный, обработанный, резной; Красивый' [СРНГ, 4, 34]. Ворота были *вальяцатые*... <6, 541>. *Гридня* 'Комната, горница' [СРНГ, 7, 145]. Походи-ка, Терентьище, По своей светлой *гридне*... <6, 541>; Походил он, Терентьище, По своей светлой *гридне*... <6, 541>; Среди двора *гридня* стоит... <6, 541>; Вы подите во светлую *гридню*... <6, 541>. *Очестливый* 'Вежливый, учтивый, почтительный' [СРНГ, 25, 66—67]; 'Умеющий оказывать почести, вежливый' [СлРЯ XI—XVII, 14, 98]. Скоморохи — люди вежливые, Скоморохи — *очестливые*... <6, 541>. *Смурый* 'Темно-серый; темно-бурый' [МАС, 4, 159]. На них *смурые* кафтаны с подпушечками С камчатыми... <6, 454>.

Фольклористы постоянно фиксируют проникновение в традиционную культуру элементов городской материальной культуры и связанное с этим пополнение народно-песенного лексикона заимствованными словами, в значительной степени деформированными. Речь идет, например, о напитках. В русском фольклорном мире традиционно упоминаются такие напитки, как водка, вино, пиво, мед. В курской песне отметим *водку-наливочку*, в олонечкой — *водку-вишневочку*, *сладку водку развишневку*. Эпизодически упоминаются «городские» хмельные напитки — *ром* в архангельских и олонечких песнях и *рейнское (вино)* в Сибири. Рассмотрим слово *ренское*. Смело шкапчик отворял, алаго *ренского* доставал, Достававши, наливал, наливавши, выпивал <4, 700>. В. И. Даль это слово толкует так: Ренское ср. рейнвейн, вино с Рейна // виноградное

вино вообще... или // белое виноградное вино, пртвпл. *Красное*. Ренковский погреб виноградных вин [Даль, 4, 92]. В Словаре русского языка XI—XVII вв. *ренское* толкуется так: ‘Рейнское вино; виноградное вино вообще (преимущественно белое)’ [СлРЯ XI—XVII, 22, 144]. Этот словарь отмечает также *ренский золотой* (гульден) и *ренский уксус*. Составители СРНГ это слово в свой словарь не включили. Не найдем мы в СРНГ и *вейновой водки*, которая есть в сибирской песне: Не стало у милаго никакой приметки — Хрустального графинчика со *вейновой водкой*, Со *вейновой водкой*, со хрустальной пробкой... <5, 697>. Можно предположить, что *вейновая* — это фонетическая версия прилагательного *рейнского*.

Воинский термин *шеренга* в сибирском песенном тексте приобретает следующий вид: Что с недругом в одном мне полку быти, В одном мне *шереножке* служить <6, 33>. Обратим внимание на мужской род использованного в песне существительного *шеренга*.

Не следует думать, что лексиконы различаются исключительно на уровне диалектной или фольклорной лексики. Отбор так называемых общенациональных слов по регионам тоже неодинаков. Например, в сибирском конкордансе представлены слова *атаман*, *взвод*, *мирской*, *нагота*, *невский*, *орда*, *отряд*, *паз*, *пеня*, *офицерский*, *толокно*, которых в других конкордансах нет.

Сопоставление сибирского конкорданса с другими конкордансами обнаруживает территориальные особенности и на уровне слово- и формообразования. Так, составители СРНГ некоторые слова с инициальной *во-* отмечают как сибирские: *Волюбиться* ‘Влюбиться’ [СРНГ, 5, 87—88] (пример из Томска: Мальчик в девушку *волюбился*... <5, 554>); *Вощекотать* ‘Запеть, засвистать (о соловье)’ [СРНГ, 5, 168] (пример с пометой *Сиб.*: Соловей *вощекочет*, Молодой *вощекочет*... <2, 34>). Также обнаруживаются слова с инициальной *испо-*: *Исповывела* белильцы-румянцы из белаго лица <5, 532>; *Исповысушу* жененку хуже травки ковыля! <3, 442>.

Можно говорить о некотором локальном предпочтении тех или иных словообразовательных моделей и форм.

В частности, в сибирском лексиконе чаще отмечаются существительные с абстрактным или собирательным значением: *Победность* ‘Беда, несчастье’ [СРНГ, 17, 190]. Засажен-то сидит добрый молодец во *победности*, У злых ворогов добрый молодец в земляной тюрьме <6, 479>. Прилагательное *победный* распространено широко, и СРНГ это отмечает, но что касается существительного *победность*, то оно в словаре отмечается как сибирское и приводится с нашим примером.

Заметим, что в сибирских песнях наличествуют такие диминутивные формы, которых в песнях других регионов нами не обнаружено:

Девонюшка ‘Фольк. ласк. Девушка’ [СРНГ, 7, 319]. На *девонюшке* цветное платье рвет <5, 775>.

Корыстенький ‘Уменьш.-ласк. к корыстный в знач. ‘хороший’ [СРНГ, 15, 34]. Не *корыстенько* житье-бытье, Мой любезный, без тебя! <5, 211>.

Обедечек ‘Ласк. Обед’ [СРНГ, 22, 27]. Что ко раннему ко *обедечку* сыграл свадьбу <5, 646>.

Огничек (*огничко*) ‘Уменьш.-ласк. Огонь’ [СРНГ, 22, 330]. Не от пламечка, не от *огничка* Загоралася в чистом поле ковыль трава... <6, 479>.

Пламечко ‘Ласк. Пламя’ [СРНГ, 22, 27]. Не от *пламечка*, не от *огничка* Загоралася в чистом поле ковыль трава... <6, 479>.

Повеночек ‘Ласк. Венок’ [СРНГ, 27, 225]. Где девушку целовали, Алы цветы сорывали, *Повеночки* завивали <5, 437>.

Пученчки ‘Ласк. Пучки, связки чего-л.’. От *пучень* ‘Пук высушенной коры листовенного дерева’ [СРНГ, 33, 167]. — Томск. Калинушку ломала, в пученки вязала, Во *пученчки* вязала, в дорожку бросала... <5, 532>.

В фольклорных текстах строка народно-поэтического произведения пульсирует, сжимаясь и разжимаясь, гибко подчиняясь напеву или плясовому ритму. Это отражается на грамматической структуре стиха. Вот почему в этих текстах обнаруживаются две полярные тенденции. С одной стороны, разрывы слова при распеве, функционирование частей слова в качестве эквивалента полного слова. С другой

стороны, слова сжимаются, прессуются в композиты, наличествующие только в фольклорных текстах. Именно здесь мы видим, как один и тот же комплекс то меняется, уподобляясь слову, то окостеневает и в силу этого сливается с последующим словом. Фольклорное слово в стихотворном тексте становится своеобразной «поэтической морфемой», т. е. такой речевой единицей, которая равно может быть и отдельным словом, и частью окказионального композита. Диалектическое единство отдельности и связанности «поэтической морфемы» в устно-песенной строке первым уловил А. А. Потехня, обозначив его термином *сближение*. Это сближение определяет уникальность композитов, их окказиональный характер, предельный динамизм каждого сложного образования, который проявляется в большой амплитуде вариаций от сочетаний слов до несомненного сложного слова. Наличие постоянного сближения как раз и вызывает затруднения собирателей и редакторов в определении границ слова. Сложные образования, возникшие вследствие интенсивного сближения, мы в свое время назвали композитами, понимая под этим термином случаи промежуточного состояния между словосочетанием и сложным словом [Хроленко 1986].

Окказиональный характер композитов определяет их территориальное разнообразие. Так, в сибирских песенных текстах мы отмечаем составные единицы, которых в лексиконах других обследованных нами регионов мы не нашли. Приведем примеры:

Калин-мост. Еще есть ли по тебе калины-мосты? <6, 370>.

Милоладушка. ‘Фольк. ласк. О любимой женщине, девушке’ [СРНГ, 18, 162]. Он при людях меня сестрицей называл, Без людей — *милоладушкой*... <2, 456>.

Млада-молодешенька. Уж как я, *млада-молодешенька*, По новым сеням с переходами... <2, 413>.

Нужа-бедность. Потерпишь, молодец, *Нужи-бедности* великия... <6, 338>.

Нужда-бедность. И не конь-то богатаго завез, Завела *нужда-бедность* <6, 541>.

Скат-жемчуг. На белой груди *скат-жемчуг* раскатается <6, 370>; Да еще плачу с груди *скат-жемчуг* <6, 370>.

Обратим внимание на сочетательные возможности лексем, на так называемую поэтическую валентность, проявляющуюся прежде всего в атрибутивных словосочетаниях. И здесь тоже наблюдаются региональные особенности.

Так, среди эпитетов, восходящих к заимствованиям из городской культуры, на статус постоянного претендует прилагательное *хрустальный*. У него не очень широкий круг определяемых существительных. В курских песнях — хрустальные окошки и стекло, в архангельских — посуда и зеркало, в олонечких — стекло, в сибирских — рюмка, графин и верей. Связь идеи хрустального со стеклом, зеркалом и посудой очевидна и логична. Определение же *верей* ‘косяк у дверей, ворот’ [СРНГ, 4, 145] как хрустальной — яркий пример актуализации у прилагательного семы оценочности, подтверждающий статус постоянного эпитета.

Примером того, что миграция фольклорного текста приводит к усилению оценочности в семантической структуре и превращению качественного прилагательного в эпитет, может служить слово *мелкий*. В курских песнях зафиксирован единичный пример: На *мелких* на кустиках дробны пташечки сидят... <5, 88>. В архангельских песенных текстах фиксируем четыре примера: *мелкие звезды*, *мелкие пташечки* и *мелкий песок*. В олонечких песнях примеров больше, расширяется и круг определяемых этим прилагательным существительных. Помимо *мелких куста/кусточка*, *песка*, *пташечек*, видим *мелкий пушок* и *мелкий дождь* (в курских песнях *дождь* определяется как *дробный*). Неожиданными смотрятся примеры: Не забыл ли перчаточек с *мелким* серебром? <5, 367>; Заростет моя могилка высокой *мелкой* травой <5, 526>. Высокая и мелкая трава! В сибирских песнях преобладают эпитетосочетания *мелкая трава*, *мелкий лесочек*, *мелкие листочки*: Сохни, блекни, подкошенная *мелка* трава! <3, 509>; Косил Ванюшка разшелковую *мелку* траву... <3, 509>; Бросил косоньку во

ракетов *мелкий* частый куст <3, 509>; Уродись, моя тоска, *мелкой* травкой муравой... <4, 700>; Я задам-ка, задам своей любезной, задам голосочек, Через темненький зелененький *мелкий* лесочек <5, 170>; Ты заслышь-ка, заслышь, моя любезная, заслышь голосочек, Через темненький зелененький *мелкий* лесочек! <5, 170>; Что на этих на древочках *мелки* листочки шумят... <5, 331>. Складывается впечатление, что конкордансы фиксируют становление постоянного эпитета, ориентированного на определение объектов растительности и обнаруживающего сему положительной оценки.

Итак, наше сопоставление сибирских народно-песенных текстов с аналогичными текстами европейской части России подтверждает предположение о том, что территориальная дифференциация русского фольклора достигает уровня, который дает основание считать наличие «фольклорных диалектов» фактом вполне очевидным.

Разнообразие локальных различий на всех уровнях языковой системы фольклорных текстов ставит на повестку дня вопрос о типологии структурных и функциональных черт, в совокупности образующих «фольклорную диалектологию». Это доминирование и лакунарность лексем, представляющих концепты фольклорной картины мира, количественная и качественная асимметрия единиц территориальных народно-поэтических лексиконов, объем и характер так называемой пассивной лексики (диалектизмы, историзмы, архаизмы, экзотизмы и т. п.), сочетаемость доминирующих лексем, отражающая различия в семантической структуре слова. Одновременно с поисками различий ищется ответ на вопрос, что представляет собой русский общефольклорный лексикон, каждая единица которого гарантированно присутствует в текстах основных жанров поэтического фольклора.

Думается, что наши материалы — достаточный аргумент в пользу признания системы конкордансов как надежного инструмента, позволяющего ставить и решать задачи фундаментального характера, среди которых для

нас особенно привлекательной является возможность проследить русское фольклорное слово в пространственной, временной и этнокультурной перспективе.

Литература

Бобунова, Хроленко 2007 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск, 2007.

Бобунова, Хроленко 2008 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск, 2008.

Бобунова, Хроленко 2009 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Олонецкой губернии. Курск, 2009.

Бобунова, Хроленко 2010 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Сибири. Курск, 2010.

Соболевский 1895—1902 — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 2—6.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978—1980.

Мачинский 1981 — Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

Потебня 1887 — Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. II. Колядки и шедровки. Варшава, 1887.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—2009. Вып. 1—41.

Хроленко 1983 — Хроленко А. Т. Границы слова в фольклорном тексте // Проблемы структурной лингвистики 1983. М., 1986. С. 215—226.

Хроленко 1992 — Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.

Хроленко 2007 — Хроленко А. Т., Денисов А. В. Современные информационные технологии для гуманитария: Практическое руководство. М., 2007.

Summary. Using the already existing concordances of the folk songs of different regions worked out by linguafolklorists from Kursk, the author shows the uniqueness of vocabulary of Siberian folk songs by comparing it with those of the Kursk, Arkhangelsk and Olonets regions.

Key words: concordance, folklore language, vocabulary, linguafolkloristics, the folk word.